

— Спасибо! — Юлия из последних сил улыбнулась таксисту и достала кошелек. — Вы меня очень выручили...

— Да что там. — Он поставил чемодан перед дверью, прислонил к нему сложенную коляску, рядом шлепнул сумку. — Ну вот, вроде все...

Ежик сонно засопел у Юли на плече, она поудобнее перехватила его, неловко, одной рукой вытащила из кошелька деньги, пересчитала и растерянно проговорила:

— Ой, у меня только восемьсот...

— Да ладно, все нормально. — Таксист приглушил голос, чтобы не разбудить ребенка.

— Как же? По счетчику и то восемьсот двадцать, а надо же еще сверху что-то добавить, вы же мне так помогли...

— Пусть будет восемьсот. Двадцатка — это не деньги, а помог я вам чисто по-человечески. У самого двое оглоедов. Ладно, я пошел, у меня следующий вызов! — И он загредел ботинками вниз по лестнице, разбудив гулкое ночное эхо.

— Спасибо! — негромко, чтобы не побеспокоить Ежика, крикнула Юля вслед, достала ключи и вставила в скважину.

Ключ провернулся как-то неловко, с сопротивлением — должно быть, потому, что она действовала левой рукой, но дверь все же открыла, включила свет в прихожей и огляделась в поисках скамеечки. Та всегда стояла возле самой двери, чтобы можно было усадить Ежика, но сейчас на привычном месте ее не оказалось. Юля нахмурилась, пытаясь вспомнить, не переставила ли скамейку перед отъездом, и тут у нее появилось странное, непривычное и пугающее чувство, что в квартире кто-то есть, кроме них с Ежиком.

Она попыталась подавить нарастающий страх, избавиться от него. Чушь какая! Никого здесь нет. Просто устала с дороги, да еще три часа ночи — самое тяжелое, самое мрачное время суток: не поймешь, то ли очень поздно, то ли уже рано... И в эту минуту увидела возле порога огромные мужские ботинки, наверное, сорок пятого размера.

Юля охнула, прижалась спиной к двери... но тут же взяла себя в руки, закусил губу. Она не может поддаться панике, у нее на руках Ежик — в самом что ни на есть буквальном смысле слова. Она зажмурилась, пытаясь убедить себя, что эти ботинки ей привиделись. Чего не увидишь в три часа, да еще после такого трудного перелета? Самолет был полон маленьких детей, которые плакали, кричали, бегали по проходу. Их родители к концу полета буквально озверели, экипаж тоже. Немудрено, что ей мерещится всякое.

Она открыла глаза и робко, испуганно взглянула на пол. Ботинки стояли на прежнем месте. Здоровенные ботинки на толстой рубчатой подошве.

Ежик зашевелился и сонно забормотал.

— Спи, маленький! — заворковала Юля, двинувшись к своей комнате... но тут вторая дверь, которую она никогда не открывала, со скрипом отворилась, и на пороге появилось страшное существо, какое могло привидеться только в ночном кошмаре.

Это был огромный мужик в сползающих трусах и замызганной рубашке, с красным опухшим лицом, маленькими и тоже красными глазами, с трехдневной щетиной на подбородке и всклокоченными сальными волосами. На лбу блестели мелкие капли пота, а сам он тяжело дышал, как будто только что пробежал несколько километров, — видно, был здорово пьян. Мужик уставился на Юлю таким страшным взглядом, словно решал насущный вопрос — съесть ее живьем или сначала убить.

В первое мгновение Юлия окаменела от ужаса, но потом осознала, что у нее на руках спящий ребенок, а значит, она не может позволить себе трусость и слабость, она должна действовать. Чудовище пока не нападало: видимо, обдумывало план действий. Значит, у нее есть немного времени, и этим временем нужно воспользоваться.

Трясущейся рукой Юля вытащила из кармана мобильник. Она помнила, что на какой-то лекции по безопасности говорили: в самом крайнем, безвыходном случае нужно вызывать не полицию, а пожарных — они придут быстрее. Нажала

кнопку... и с ужасом увидела черный дисплей. Чертов мобильник разрядился. Батарейка уже давно плохо держала заряд, нужно было ее поменять, но, как всегда, не хватало денег. И вот теперь она осталась один на один с каким-то пьяным бандитом...

Правда, бандит почему-то не спешил нападал, а вместо этого прохрипел жутким голосом:

— Ты кто?

— Вот интересно, — отозвалась Юля, стараясь не показать свой ужас. — Он еще спрашивает! Это ты кто? Откуда взялся? Как попал в квартиру?

— Я-то? — громила заморгал. — Я-то здесь живу. А вот ты кто такая?

— Живешь? — переспросила Юля. — Как это — живешь?

— Очень просто! Снял комнату у хозяйки и живу...

— Ах, у хозяйки?!

До Юли наконец стала доходить правда. Может быть, не такая ужасная, как она вообразила в первый момент. Их с Ежиком не убьют, по крайней мере, прямо сейчас. Это свекровь, старая зараза, решила окончательно испортить ей и без того нелегкую жизнь и сдала комнату какому-то алкашу и, судя по виду, уголовнику. Так что Юлю ожидает светлое и радостное будущее в одной квартире с этим венцом творенья.

Венец творенья между тем покачнулся и ухватился за притолоку, чтобы сохранить равновесие.

Ну да, пьян как сапожник. Сволочь свекровь!

Ежик снова пошевелился и забормотал во сне что-то невнятное.

Ладно, сейчас не время предаваться трагическим мыслям. Нужно уложить ребенка, а там будет видно... Она поудобнее перехватила Ежика, свободной рукой вцепилась в чемодан — теперь нельзя ни на минуту оставлять вещи без присмотра! — и двинулась к своей двери, спиной чувствуя взгляд нового незваного соседа.

В ее комнате был относительный порядок — какой оставила, уезжая на две недели, только пыль появилась, да еще душновато.

Юлия плюхнула Ежика в детскую кроватку прямо в одежде, только ботиночки сняла. Он потянулся и вздохнул облегченно — намучился в самолете, на посадке уши заложило, он плакал, а в такси заснул. Так что теперь сладко причмокнул, оказавшись в знакомой кроватке, повернулся на бок и положил руку под щечку. А второй пошарил в поисках медведя.

Спального медведя они брали с собой, Ежик сказал, что мишке хочется посмотреть на море. А на самом деле ему не хотелось расставаться с любимой игрушкой. Да что там игрушка, Ежик говорил, что медведь — его самый близкий друг. «А я?» — спросила тогда Юлия. «Ты тоже», — ответил Ежик, и у нее привычно защемило сердце: у сына нет друзей, ему недоступны шумные игры, бег, прыжки, велосипед. И еще много всего.

Юлия тотчас велела себе не расслабляться — она уже давно решила, что не может себе этого позволить. Не в ее положении лить слезы и жаловаться на судьбу, тем более что жаловаться некому. Вот именно. У нее не было никого, кроме Ежика, а что еще хуже, у Ежика не было никого,

кроме мамы. Отец? Юлия горько поморщилась. Бабушки-дедушки? Мать Юли умерла, когда той было пятнадцать лет, отец женился снова. Юля его не осуждала, тем более жена ему попалась неплохая и к падчерице вроде относилась хорошо, ровно... Но никогда не забыть ей радость на лице матери, когда она узнала, что Юля уезжает учиться в Петербург.

Была у Ежика еще одна бабушка — вот эта ведьма, которая отняла у Юли остатки спокойной жизни. Как теперь жить, если в коридор не выйти? И на кухне этот урод устроит черт-те что, и в туалете небось блевать будет каждый вечер... Юлия почувствовала, как душу заливают холодная неправда и ярость, которая заглушила здравый смысл и терпение.

Дрожащими руками она принялась тыкать в кнопки телефона. Что такое? Вообще нет гудка! Сломался, что ли? Или этот монстр его сломал? Так, попробуем еще раз. Сжав зубы, заставила себя успокоиться и не торопясь набрала номер све-крови. Слава богу, раздалась длинные гудки. Ночь на дворе, эта зараза наверняка спит и совесть ее не беспокоит!

Наконец трубку сняли.

— Тамара Степановна? — Юлия постаралась, чтобы голос ее звучал по возможности твердо.

— Какая еще Степановна? — заревели на том конце разбуженным медведем. — Ты, такая-сякая, на часы смотрела? Три часа ночи, а она Степановну ищет!

— Извините, — сконфуженно пробормотала Юлия, — я ошиблась номером...

И вместо того чтобы повесить трубку, выслушала зачем-то, где и в каком виде невольный собеседник хотел бы видеть ее саму, неизвестную Тамару Степановну, а также всех Юлиных родственников по материнской линии.

Как ни странно, этот разговор помог, Юлия немного пришла в себя и номер свекрови набрала недрогнувшей рукой. Трубку там сняли сразу же! Не спит, знает, что самолет ночью прилетает, будильник, наверное, поставила!

— Что это значит? — холодно спросила Юлия, не утруждая себя приветствием.

У них были такие отношения, что желать друг другу здоровья при встрече они давно уже перестали. Она, Юлия, столько мерзостей выслушала от этой женщины — надолго хватит, может быть, навсегда.

— Ах, это ты... — протянула свекровь.

Как всегда, при звуке этого голоса Юлия почувствовала, что привычная холодная ярость усилилась втрое. Как эта женщина ее ненавидит! Сколько лет жизни отняла своей немотивируемой злобой и ненавистью! Как будто мало горя и беды свалилось на голову Юли, так еще эта...

— Не притворяйтесь, что удивлены моим звонком, — отчеканила она, — повторяю вопрос: что это значит? Для чего вы привели в квартиру этого уловника?

— Не привела, а сдала ему комнату! — визгливо заорала свекровь, — Это ты мужиков водишь, а я не привела, а сдала ему комнату! Все законно, через агентство!

И ведь знала же прекрасно, что никаких мужиков Юлия не водит — куда ей, с больным-то ре-

бенком. Единственный мужчина, который их посещает более-менее регулярно, — массажист Сережа. Это когда деньги есть, а когда нет, то Юля сама Ежику делает массаж, тот же Сережа по доброту душевной обучил ее кое-каким приемам.

— Вы не имели права так делать без моего согласия. — Юлия говорила тихо, чтобы не разбудить Ежика.

— Я? — теперь свекровь визжала уже в ультрадиапазоне, так что у Юли едва не лопались барабанные перепонки. — Я не имела права? Это у тебя нет никаких прав на мою квартиру! Это ты обманом там поселилась! И своего... — Она как всегда назвала Ежика неприличным словом, зная, что Юля этого не вынесет.

Нарочно провоцирует, ведьма старая. Один раз в лицо такое сказала, так Юля, себя не помня, на нее бросилась, хорошо Лешка оттащил. А свекровь уже собралась побои зафиксировать да в суд на Юлю подавать, чтобы ее выселили или вообще посадили. Тогда обошлось, а потом уж Юля себя в руках держала, старалась к свекрови вообще не подходить.

Сейчас Юля промолчала, сжав зубы, и свекровь продолжала победным тоном:

— Квартира — моя, что хочу, то и делаю! Жильца поселила, потому что денег хоть сколько хочу получить! Я — пенсионерка, мне денег за интимные услуги никто не платит!

«Мне тоже», — подумала Юля, а свекровь разочарованно хрюкнула, она-то надеялась, что у них будет скандал по телефону.

— В общем, он будет жить сколько я пожелаю, а если узнаю, что ты на него жаловалась или еще